

Пример Сирии показывает, что в наше время экология начинает переплетаться в единый узел с вопросами политики, экономической стратегии, межэтнических и социокультурных отношений, и это взаимодействие, если в нем отсутствует общий лад, способно генерировать серьезный конфликтогенный потенциал.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

**2019.02.007. Ахмедов В.М. РЕЛИГИОЗНЫЙ
ФАКТОР ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ
В СИРИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ
И ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ // Труды ИВ РАН.**

*Вып. 4. Экономические, социально-политические,
этноконфессиональные проблемы афро-азиатских
стран. М., 2017. С. 197–209.*

Ключевые слова: *Сирия; «арабская весна»; исламисты; джихадизм; салафиты; Башар Асад.*

Ахмедов В.М.,
кандидат исторических наук
(Институт востоковедения РАН)

Особенность сирийского конфликта и сложность его разрешения, по мысли автора, заключаются не только в его беспрецедентной длительности по сравнению с восстаниями в других арабских странах, что во многом было определено ролью национальных вооруженных сил и геостратегическим положением Сирии. Сирийский кризис вывел на политическую авансцену новые социальные силы, обнажив спектр острых социальных противоречий, клановых, конфессиональных, этнических и земляческих конфликтов. Прежде внешне единый сирийский социум в условиях обострения кризиса стал стремительно раскалываться, радикализирував исламские настроения в стране и Ближневосточном регионе в целом. В результате в арабском национальном движении, возродившемся на волне «арабской весны», возобладали религиозные настроения радикального характера. Практически была сведена на нет его светская составляющая. В период 1940–1960-х годов светские силы сыграли ведущую роль в борьбе арабских народов за национальную независимость, а их идеология послу-

жила основой формирования политических систем и государственных институтов современных стран Арабского Востока. При этом необходимо иметь в виду, что ислам намного медленнее, чем другие религии, отказывался от идеи религиозной войны. Несмотря на внешне светский характер власти во многих арабских государствах Ближнего Востока, в них был силен элемент исламского фундаментализма. В этих условиях создавалась опасность подрыва существующего военно-политического баланса в регионе. Это было связано с обострением борьбы за смену власти, эскалацией напряженности в регионе в связи с неурегулированностью палестино-израильского конфликта, попытками исламистов проникнуть в армию, а также вмешательством внешних сил в региональные процессы.

Сегодня в протестном сирийском социуме сложилась новая ситуация. В мировоззрении многих социальных групп населения, стоявших в авангарде вооруженной борьбы, возобладали представления о правящем режиме как «оккупационном», вступившем в преступный заговор с Ираном, рядом влиятельных мировых держав и Израилем с целью порабощения арабских народов и их подчинения инонациональному господству. Подобное мировоззрение послужило мотивом борьбы за свержение действующего режима. Эти настроения были использованы различного рода внутренними и внешними силами, которые под флагом религии стремились реализовать свои истинные цели в Сирии и на Ближнем Востоке в целом. В подобной ситуации противоборствующие стороны сами стали заложниками исламистских настроений джихадистского характера и были вынуждены следовать в русле данных идеологем. В результате политические цели борьбы в Сирии были подчинены данной идеологии, которая постепенно охватила вовлеченные в сирийский конфликт региональные и международные силы. На Ближнем Востоке развернулась масштабная и острая религиозная война, которая поставила регион на грань территориального раскола, серьезно осложнив внутреннюю ситуацию в других районах мира, прежде всего в Европе.

Хотя джихад главным образом направлен против оказавшихся под инонациональным влиянием собственных правящих элит, и лишь во вторую очередь – против неверных, мотивационная сила этой идеи в арабо-мусульманском мире столь же сильна, как и раньше. Все это свидетельствует о том, что и сегодня идея войны как продолжение религии, особенно в экстремистских формах, вовсе не умерла. С другой стороны, в условиях начавшейся в конце

2010 г. на Ближнем Востоке «арабской весны» властям Сирии, опиравшимся на аппарат спецслужб, армию, представленные главным образом алавитским меньшинством (12% населения), вряд ли удалось бы эффективно контролировать действие исламского фактора в многоконфессиональной и полиэтнической стране, не скатываясь в конечном итоге к открытому насилию.

Главной движущей силой арабских народных восстаний были люди, исповедующие ислам суннитского толка. И Сирия, где 75% населения исповедуют ислам суннитского толка, не является исключением. Изначально ислам суннитского толка содержал много элементов, которые условно можно назвать светскими, демократическими. В этом заключается отличие суннизма от шиизма, проникнутого своеобразной вертикалью власти в лице института имамата. В условиях революционного подъема открылся путь для трансформации, обновления ислама и как идеологии, и как практики общественного устройства. При этом подобного рода трансформации, в зависимости от складывавшейся внутренней политической конъюнктуры и внешнего воздействия, могли принимать разные формы. Новый постмодернистский ислам – это продукт местных «мегаполисов», культуры «новых» горожан, требовавших свержения власти, которая более полувека тому назад пришла из дальних горных селений и захватила города, создав там свою культуру и установив свои порядки. «Новые» горожане хотели установить тип власти, отличный от прежнего режима. Сирийские революционеры активно использовали Интернет. Они выставляли тела убитых, портреты перебежчиков как иконы, хотя в исламе это категорически запрещено. Возможно, замечает автор, это новое явление могло получить дальнейшее развитие, если бы сирийский режим своевременно отказался от силовых методов взаимодействия с протестующими и не призвал бы на помощь Иран, ливанскую «Хизбаллу» и шиитские милицейские подразделения, общая численность отрядов которых достигает сегодня 60–62 боевых формирований.

Несмотря на то что сегодня в Сирии возобладала «джихадистская» идея, воплощенная в действиях «Исламского государства», «Джейш Фатх аш-Шам» (бывшая «ан-Нусра»), неправильно считать, что рожденный революцией постмодернистский ислам полностью исчез и не имеет шансов на возрождение. Поэтому, подчеркивает исследователь, наряду с воинствующим исламом его надо тщательно изучать. Так как он может, при определенных политических условиях, оказать позитивное влияние не только на

саму Сирию, но и остальные части Арабского Востока, а также и Европу, где многие мусульмане в силу прямого и опосредованного участия в арабских событиях заметно радикализировались. Если допустить, что постмодернистский ислам Леванта – это продукт новой городской культуры, то он должен был неизбежно впитать в себя характерный для левантийских городов дух либерализма и стремление к демократии. В условиях кризиса в Сирии постмодернистский ислам может стать существенным дополнением в формировании новой идеологии обустройства общества.

Определяющая роль периферии по сравнению с городом на начальных этапах сирийской революции оказала специфическое влияние на религиозные аспекты восстания, которые по своему типу больше напоминали бедуинский характер, сельскую атрибутику, и именно этим объясняется распространение ислама салафитского толка. Салафитские идеи расцвели, прежде всего, в условиях провинциальных центров. Вклад так называемого цивилизационного ислама, присущего городским элитарным слоям, буржуазии, торговцам, интеллигенции, военным, носил весьма скромный характер среди как гражданских, так и военных участников революционного движения. Это становилось очевидным на примере незначительного присутствия суфийского элемента как в отрядах вооруженной, так и в гражданской оппозиции. В результате «исламистский феномен» революции нес в себе сильный провинциальный компонент и с этой точки зрения имел потенциально временный характер. По мысли автора, было бы преждевременным считать устоявшейся ситуацию в идеологическом спектре «новых» исламистов. Факторы влияния, финансовой поддержки продолжают оказывать воздействие на формирование идеологической ориентации и политической повестки этих группировок. Необходимо, подчеркивает исследователь, отслеживать смену религиозно-идеологических предпочтений воинствующих исламистов. «Исламистский феномен» сирийского восстания трансформировался за несколько последних лет, особенно в связи с особыми условиями сирийской революции. Нельзя исключать, что в случае прекращения военных действий в Сирии и постепенного возвращения жизни страны в прежнее, мирное, русло, «исламистский феномен» может постепенно исчезнуть, поскольку его живительной основой служит жестокая вооруженная борьба в стране.

Причины, приведшие к возрождению джихадистского салафизма в Сирии, стали постепенно созревать еще в 1990 г. и с началом обострения вооруженной борьбы лишь способствовали его

бурному выходу на поверхность. Так, принятая режимом в середине 2000-х годов политика приватизации привела к острой социальной поляризации общества, обнищанию и маргинализации значительных масс населения в сельских местностях. Одновременно политика режима поддержки исламского сопротивления в Палестине и Ливане усиливала консервативные религиозные настроения в депрессивных районах сирийской глубинки. В результате это привело к тому, что население этих местностей оказалось наиболее восприимчивым для самых радикальных идей. Одновременно снизилась роль умеренного ислама в сирийском обществе, что усилило экстремистские аспекты в восприятии населением государственной политики и идеологии. Сложившаяся ситуация оказалась наиболее благоприятной для роста идей джихадистского салафизма, а последующие действия властей после начала сирийского восстания только укрепили его позиции. Подобные настроения в обществе послужили матрицей для распространения джихадистских идей как местного происхождения, так и пришедших из-за рубежа.

К наиболее явным джихадистским группировкам можно было отнести отряды, непосредственно связанные с «Аль-Каидой», типа «Джабхат ан-Нусра», ИГИЛ, батальон «аль-Мухаджирин». В другую группу «воинствующих» салафитов из так называемого объединения «Отложенного Халифата» входили наряду с представителями джихадистского направления сторонники «политического салафизма». Она имела тесные связи с Исламским фронтом Сирии (ИФС) и входящими в него отрядами «Ахрар аш-Шам», «Ахрар аш-Шам-аль-Исламийя» и «аль-Фаджр аль-Исламийя». Еще одна группа была представлена так называемыми традиционными салафитскими джихадистами, типа отрядов «Ливаа аль-Ислам». Существовали и различные группировки вооруженных исламистов, связанные с салафитской ориентацией, как, например, батальон «ат-Таухид валь-Фарук» и «Фарук аль-Исламийя». Другой группой являлся Исламский фронт за освобождение Сирии (ИФОС). Основу его идеологии составляла общая исламская идентичность, где соединялись идеи салафизма, «Братьев-мусульман», а также различных исламских школ либерального направления, несмотря на то что его заявления и действия несколько отличались от салафитской доктрины ислама. Большинство групп поддерживало идеи Исламского государства в качестве будущего политического режима власти в Сирии. Этот политический режим в их

представлении должен был основываться на исламских законах шариата.

Сегодня, утверждает В. Ахмедов, достаточно сложно спрогнозировать перспективы салафитского движения в Сирии. Скорее всего, они будут определяться развитием конкретной ситуации на сирийской почве и теми переменами, которые ждут Сирию в недалеком будущем. В случае продолжения гражданской войны могут наблюдаться дальнейший рост и распространение джихадистского салафизма. В случае же смены режима и возвращения к мирной жизни возрастают шансы умеренного, реформистского и политического салафизма, который, прежде всего, начнет развиваться в сельских местностях, а потом и в крупных городских центрах.

Автор реферата В.Н. Сченсович

Бибикова О.П.,
кандидат исторических наук
(Институт востоковедения РАН)
РЕФОРМЫ В КОРОЛЕВСТВЕ
САУДОВСКАЯ АРАВИЯ

DOI: 10.31249/rimm/2019.02.04

***Аннотация.** В Саудовской Аравии объявлена программа реформ, цель которых – отказ от нефтедобычи как единственного источника доходов и создание современной экономики. Также предпринимаются меры, призванные модернизировать образ Королевства.*

***Ключевые слова:** наследный принц Мухаммад ибн Салман ас-Сауд; Стратегия развития; диверсификация экономики; гендерная сегрегация; шариат.*

Весной 2016 г. наследный принц Мухаммад ибн Салман ас-Сауд (известный в западной прессе как МБС) представил саудовской общественности Стратегию «VISION 2030», которая включила в себя программу диверсификации экономики, цель которой – отказ от нефти как исключительного источника доходов государства. Нефтяную зависимость предполагается ликвидировать к 2020 г., а доходы от альтернативных отраслей должны быть увеличены в 6 раз и достичь 267 млрд долл. В программе указаны 80 экономических проектов в сферах, не связанных с нефтедобычей и нефте-